

Д.О. Половцев

Постструктуралистические концепции инаковости и их прочтение в мультикультурализме

Тема Другого является одной из значимых тем XX века. Как полагает И.П. Ильин, Другой – «основополагающий концепт современного европейского принципа самоосознания» [1]. Более того, «вне понятия Другого как составной и неотъемлемой части своей собственной идентичности, – продолжает известный литературовед и философ, – сегодня невозможно ни одно серьезное размышление...» [1]. Интерес к проблеме Другого обозначился более остро в XX веке.

Категории инаковости и Другого используются теоретиками большого количества школ и направлений. Проблема исследовалась и исследуется в различных дисциплинах – герменевтике (М. Хайдеггер, Г. Гадамер), теории права (Дж. Ролз), семиотике и логике, психоанализе, теории речевых актов, эстетике (Х. Яусс, А.В. Аксенов), социологии (Г. Гарфинкель, Э. Гидденс, Э. Тоффлер), теории коммуникации (Х. Парре, М. Даммит, К. Бюлер, Т. Себек) и т.п. Политические теории сконцентрированы на изучении классовых Других; феминизм исследует женскую другость; эстетика изучает художественную инаковость; психоанализ требует рассмотрения Другого-внутри-себя; Другой подвергается интерпретации в литературоведческой практике. Оригинальную точку зрения высказывает современная зарубежная исследовательница Дж. МакВикер: литературные произведения, «в которых речь идет об инаковости, изображают самость..., сформированную... [такими] силами..., как, например, "Другой"» [2]. Очевидно, что Другой и его инаковость играют магистральную роль в формировании Я.

Человек находит себя вне самого себя. Личность конституируется в непрерывном общении с внешней по отношению к нему средой обитания, существенным элементом которой является другая личность. Человек для раскрытия и развития собственных сил, для формирования себя в качестве личности, должен выйти за пределы самого себя, то есть вступить в intersubjective отношения диалога-коммуникации. Главной составляющей человеческого существования является диалог. Совершенно верно отмечает по этому поводу психолог А.Е. Шерозия, что «отношение к "Другому", вошедшее в структуру личности, является фундаментальным межличностной коммуникации.... Относясь к "Другому", личность оценивает себя и удостоверяется в своей самостности» [3].

В постструктурализме (Ж. Лакан, М. Фуко, Ж. Делез, Ж. Деррида, Ю. Кристева и др.) Я предстает как постоянная самоинтерпретация, находящаяся во взаимосвязи с интерпретацией мира Другим, с его интерпретацией Я; сами постструктуралисты нередко обращаются к бессознательному.

Так, например, Ж. Лакан, рассматривая Другого (Ж. Лакан различал Другого с большой буквы и другого с маленькой буквы, «который и есть мое собственное "Я"». – Д.П.), связывает его с областью бессознательного. Человеческая психика, по Лакану, состоит из нескольких структурообразующих «ин-

станций»: Воображаемого, Символического и Реального. Реальное представляет собой все то, что существует помимо субъекта и от его воли не зависит. К нему относятся, например, объекты внешнего мира. Реальное заявляет о себе в каждую секунду существования индивида. Оно всегда «здесь». Воображаемое может быть определено как «... комплекс... представлений, который человек создает сам о себе» [1]. Оно формируется на «стадии зеркала». Символическое представлено составляющими культуры, которые индивид усваивает бессознательно. Другой принадлежит «порядку» Символического, ибо «как только... ребенок столкнется с Другим, он немедленно... начинает защищаться от реальности посредством языка» [4]; Другой означает для него встречу с культурой. Так как Символическое, по Лакану, усваивается в основном бессознательно, то его известный афоризм «Бессознательное – это дискурс Другого» может быть интерпретирован следующим образом: в процессе развития человека решающим оказывается момент овладения символической составляющей культуры. При этом Другой представляется как инстанция, которая контролирует наши способы вхождения в мир символов. Более того, по Лакану, человек всегда ищет себя через Другого, часто изобретая и Другого и себя.

Отметим, что лакановская концепция не замыкается рамками психоанализа. Например, И.П. Ильин указывает на работу Динизла Ганна «Психоанализ и литература: Исследование границы между литературным и психоаналитическим» в качестве «примера более или менее буквального переноса собственно лакановских представлений на сферу художественной литературы» [1]. Или, например, Дуглас Келнер пишет о том, что «... лакановское прочтение Фрейда было подхвачено лингвистами и литературоведами, культурологами и социологами» [1].

Если лакановскую концепцию используют для различных интерпретаций в художественном творчестве, то Ж. Делез проецирует свою концепцию Другого непосредственно на художественное произведение.

Жиль Делез развивает тему Другого, обращаясь к роману французского писателя Мишеля Турнье «Пятница, или Тихоокеанский лимб». Делез написал к нему статью-комментарий под названием «Мишель Турнье и мир без Другого». Эксперимент Турнье, по словам Делеза, состоит в «островном мире без другого». Развивая тезис, Делез анализирует, что есть человек без Другого на своем острове? Почему вопрос об отсутствии Другого стоит так остро в статье-комментарии Ж. Делеза?

Делез сразу предлагает нам следующий план: «посмотрим посему сначала, что же означает другой по своим действиям или последствиям: рассмотрим последствия отсутствия другого на острове, выведем следствия присутствия другого в обычном мире, заключим, что же есть другой и в чем состоит его отсутствие» [5]. Кажется, что мир без Другого звучит парадоксально, так как мир – всегда мир Других. Мир без Другого сразу ставит под сомнение сам мир, в котором не стало Другого. Возможен ли такой мир одиноких и изолированных Я, где никто ни к кому не обращается на Ты? Полагаем, что в мире, в котором отсутствует Другой, не может быть и того Я, которое рождается каждый раз в обращении к Ты. Человек находит, формирует свое Я благодаря встрече с Ты.

Делез считает, что в выяснении вопроса о том, кто же такой Другой, многие исследователи допускают ошибку, анализируя его в терминах объекта и субъекта. По Делезу, Другой «... не есть ни объект в поле моего восприятия, ни субъект, меня воспринимающий, – это, прежде всего, структура поля восприятия, без которой поле это в целом не функционировало бы так, как оно это делает. ... Но какова эта структура? Это структура возможного» [6]. Таким образом, Другой, по Делезу, – воплощение категории возможного. Мир без Другого оказывается миром без «потенциальностей».

Концепция Ж. Делеза, полагающего Другого как структуру, не противоречит теории известного французского ученого М. Фуко, для которого Другим является безумец. Безумие и безумец – ключевые понятия системы М. Фуко. По Фуко, смысл человеческого существования, способность человека к самопознанию проверяется отношением к безумию, которое существует как в себе, так и вне себя.

М. Фуко всегда интересовало то, что выявляет другость, инаковость в человеке. Примечательно, что «как все ... постструктуралисты, – пишет по этому поводу И.П. Ильин, – он [М. Фуко. – Д.П.] видел в литературе наиболее яркое и последовательное проявление этой "инаковости", которой... лишены тексты философского и юридического характера» [1].

По мнению Фуко, грань между нормальным и безумным подвижна: «человек и безумный объединены связью неуловимой и взаимной истины; они говорят друг другу эту истину о своей сущности» [7]. В безумии, как полагает Фуко, существует проблеск «истины», который недоступен разуму.

Анализ становления безумия в европейской истории позволил сформировать Фуко концепцию «дисциплинарной власти», где он делает акцент на роли безумия и безумца в становлении европейской рациональности. М. Фуко в «Истории безумия в классическую эпоху» раскрыл историю иного, того, что имманентно культуре и в то же время ею отчуждается: случайности, непоследовательности, нетипичности.

Нет сомнений, что концепция Фуко остается актуальной и в XXI веке: безумец, который «присутствует в каждом» ставит человека на грань, человек *постоянно балансирует* на этой грани, именуемой «Я – Другой». Так, например, С. Жижек полагает, что «... наша нетерпимость к внешнему (этническому, половому, религиозному) Другому [это] суть выражение якобы "более глубокой" нетерпимости к вытесненной или отринутой инаковости в нас самих: мы ненавидим и нападаем на чужое, потому что не можем прийти в согласие с чужаком в себе» [8]. Следовательно, для гармоничного существования человеку необходимо найти примирение с инаковостью внутри себя. Или, говоря словами классика английской литературы Э.М. Форстера, он должен «соединиться» («connect»).

Нам представляется верным утверждение И.П. Ильина, что «практически для всех постструктуралистов было важно понятие "Другого" в человеке, или его собственной по отношению к себе "инаковости" – того не раскрытого в себе "другого", "присутствие" которого в человеке, в его бессознательном, и делает человека нетождественным самому себе [курсив наш. – Д.П.]» [1]. Полагаем, что, с одной стороны, присутствие Другого делает человека «нетождественным самому себе», но, с другой стороны, без Другого как неотъемлемой части своей идентичности нет системы различий «Я» – «не Я», «свой» – «чужой», «мы» – «они» и т.д.

Идеи постструктуралистов на проблему инаковости оказались подхвачены мультикультурализмом. Так, М.В. Тлостанова отмечает, что «из выделенного Фуко ряда: социальных изгоев, безумцев, ... слабых и, наконец, просто "других", которых можно обнаружить в собственном подсознании, – мультикультуралисты выбирают прежде всего... маргинальных субъектов, "других" не по своей воле, но из-за цвета кожи или... акцента» [9].

В энциклопедии «Западное литературоведение XX века» [10] мультикультурализм трактуется как «сложное междисциплинарное явление, ... [в котором] слились проблемы соотношения единства/разнообразия/различия в культуре, субъектно-объектная проблематика, ... кризис национальной, культурной и личностной идентификации» [10]. Мультикультурализм выражает и обосновывает «плюралистичную культурную парадигму»; его основными ха-

рактиками являются множественность, многообразие, гетерогенность. Следовательно, он не может обойти стороной проблему Другого. Мультикультурализм проповедует концепцию толерантности; совмещая в себе различные концепции и системы, он пытается примирить инаковости. Согласимся с теоретиком мультикультурализма, что «к концу XX века... варианты мультикультурализма... признали, что другой существует..., что нужно уважать его различия» [11]. Мультикультурализм, однако, не просто проявляет «повышенный интерес к проблеме "другого"» [10], но и переводит инаковость во «внутриличностный пласт».

Понимание того, что тождественность человеческого Я – не более чем иллюзия, и стало одним из значительных результатов социально-гуманитарных исследований XX века. Человек не обладает постоянным и устойчивым Я, он является непрерывно изменяющимся отношением «Я – Другой». Человеческое Я не может быть определимо, так как оно всегда в поисках себя самого и может быть репрезентировано только через Другого. В XX веке произошла деконструкция понятия «цельная личность», произошел перенос фокуса с внутренней самодостаточности Я на его взаимоотношения с самим собой Другим.

Проблема инаковости и Другого продолжает оставаться одной из ключевых проблем современности. Актуальность проблемы инаковости несомненна, ибо, говоря словами Ж. Деррида, сегодняшний «фрагментарный человек» может быть собран только посредством Другого. Вследствие этого Другой оказывается не периферийным элементом социального познания, а его «ядром». Другой является пространством, в котором Я способно активизировать свои потенции. Без инаковости Другого представляется невозможным выработать представления о «своем»; Другой определяет не только наше существование в целом, но и пространство и время нашего существования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ильин И.П.* Постмодернизм. Словарь терминов. – М., 2001. – С. 83–246.
2. *McVicker, Jeanette.* The Life Writing of Otherness: Woolf, Baldwin, Kingston and Winterson (Book) // *An Interdisciplinary Quarterly.* Summer 2004. Vol. 27. Issue 3. – P. 636.
3. *Шерозия А.Е.* Психика, сознание, бессознательное: к общей теории психологии. – Тбилиси, 1979. – С. 82.
4. *Новейший философский словарь.* – 3-е изд., испр. – Мн., 2003. – С. 343.
5. *Турнье М.* Пятница, или Тихоокеанский лимб. – СПб., 1999. – С. 285.
6. *Делез Ж.* Мишель Турнье и мир без другого // Турнье М. Пятница, или Тихоокеанский лимб. – СПб., 1999. – С. 287.
7. *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. – М., 1999. – С. 316.
8. *Жижек С.* Война в Ираке: В чем заключается подлинная опасность? // *Логос*, № 1 (36). – М., 2003. – С. 162.
9. *Тлостанова М.В.* Направления и тенденции в современном литературоведении и литературной критике // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7, Литературоведение: РЖ / РАН ИНИОН. Центр гуманитар. наук. – Информ. исслед. Отд. литературоведения.* – М., 2002, № 3. – С. 38.
10. *Западное литературоведение XX века:* Энциклопедия. – М., 2004. – С. 266.
11. *Тлостанова М.В.* Нюансировка инаковости в постмодернистских эпистемах // *Личность. Культура. Общество.* – М., 2003. – Т. V. – Вып. 3–4 (17–18). – С. 123.

S U M M A R Y

The article deals with the problem of otherness in terms of poststructuralism. Having singled out some theories of the Other in the paradigm of poststructuralism the author investigates the problem of otherness as applied to multiculturalism.

Поступила в редакцию 27.12.2005